

Галина Врублевская

Прощай,
«ПОЧТОВЫЙ ящик»!

Галина Владимировна Врублевская Прощай, «почтовый ящик»!

Автобиографическая проза и рассказы

Серия «Романы и сборники
малой прозы», книга 13

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6718102

*Прощай, «почтовый ящик»! Автобиографическая проза и
рассказы. / Врублевская Г.: Союз писателей Санкт-Петербурга;*

Санкт-Петербург; 2013

ISBN 978-5-4311-0043-7

Аннотация

Новый сборник Галины Врублевской открывает автобиографическая проза. Впервые публикуемая повесть «Прощай, «почтовый ящик»!» переносит читателя за ограду засекреченного НИИ «доперестроечных» времен. Автор не только повествует об инженерных буднях, открытиях и конференциях, но также ярко описывает внутреннюю жизнь коллектива. В повести много занимательных эпизодов: от «розыгрыша» дефицитного банного халата до служебных

романов в декорациях измерительного стенда. В книгу также вошли романтические новеллы и эссе о любви и смыслах бытия

Содержание

Автор о правде и вымысле	5
Прощай, «почтовый ящик»!	7
Прощай, «почтовый ящик»	7
Из дня сегодняшнего	7
Глава 1. Первые впечатления	18
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Галина Владимировна Врублевская

Прощай, «почтовый ящик»! Автобиографическая проза и рассказы

Автор о правде и вымысле

В 2010 году меня пригласили на юбилей акустической лаборатории в морском исследовательском институте, где я проработала много лет, прежде чем полностью связала судьбу с писательством. Знакомые камеральные помещения, стенды с приборами, постаревшие, но узнаваемые лица сотрудников. Это встреча с прошлым и стала толчком к написанию мемуарных записок. В них я рассказала о жизни за высоким забором той поры, когда сама была членом команды, штатной единицей в «почтовом ящике», как тогда называли секретные НИИ. В записках я отразила деятельность института в 70-е-80-е годы. Это полудокументальное повествование получило название: «Прощай, "почтовый ящик!"». К мемуарам тематически примыкает художественная повесть

«Ошибка № 99», написанная еще в бытность моей работы инженером, и в ней также рассказывается об акустиках-исследователях.

После прощания с институтом началась абсолютно иная полоса жизни, полная непредсказуемых поворотов – она пришлась на «лихие 90-е». Этот кризисный период лег в основу других моих рассказов – тоже произрастающих из документальной основы, однако подчиненных уже канонам литературного жанра.

Но разве могла бы я называться писателем, если бы обошла стороной главные вопросы бытия? Любовь и предательства, поиски призвания, случайности и закономерности в нашей судьбе... Эти темы вновь и вновь вдохновляют меня, переплавляясь в сюжетные новеллы, в искусство вымысла. Раздел называется «Чудодейственные пилюли», по названию одного из произведений.

И венчают эту книгу автобиографические эссе – в них вымысел и фантазии сливаются так тесно, что уже трудно отыскать границу обыденной жизни и мечты.

Прощай, «почтовый ящик»! Корабли моей молодости

Прощай, «почтовый ящик»

Из дня сегодняшнего

Подхожу к институту. Знакомый бетонный забор подновлен песочного цвета краской. А по верху, как и два десятилетия назад, тянется колючая проволока – очевидный знак, что объект закрытый и хорошо охраняется. Чтобы работать за оградой, сотрудник должен пройти проверку и получить «форму допуска». Новичкам присваивают третью форму – ты обязан молчать о том, что видишь на территории; со временем тебя обременяют второй, нагружая дополнительными секретами; наконец, первую форму получают единицы – и с ней ты полностью под колпаком «бойцов невидимого фронта».

Прежде я была связана формой среднего уровня, однако ныне свободна от любых обетов, ведь прошла вечность, как я уволилась из этого учреждения. Однако приоткрывая тайны обыденной жизни на огражденной территории, я не ста-

ну раскрывать военных секретов, потому что еще бороздят океаны «объекты» – как принято было называть судна, спроектированные моими товарищами.

Десятки метров глухого забора наконец прерываются помпезной проходной, с плотным рядом привычно закрытых дверей. На стене, у крайней двери привинчена металлическая доска-вывеска с надписями на двух языках: на русском – «Центральный научно-исследовательский институт имени академика А.Н. Крылова» и лаконично на английском – «Krylov shipbuilding research institute». Эти две вывески – примета сегодняшнего дня, ведь прежде не имелось даже скромной опознавательной таблички. Принято было говорить, что мы работаем в «почтовом ящике» номер такой-то. Радует, что теперь наши ученые выходят из подполья!

Вysматриваю, куда войти. Не понимаю, зачем архитекторы проектируют столько дверей, если открыть можно только одну. Видится мне в этом какой-то намек на библейскую притчу об игольном ушке: не зря же заветный пропуск выдавали не каждому. Скользя взглядом по желтеющим бронзовым ручкам, нахожу единственную, затертую до серости, – за нее и тяну. Но попадаю не в рай, а в полутемный вестибюль проходной.

Металлический турникет на прежнем месте. Окошко для выписки пропусков. И телефонная будка с тусклыми стеклами и облупившейся синей краской на ободках, тоже с дверкой, и она всегда здесь стояла для секретных переговоров с

контрагентами. С улиц города такие будки давно исчезли, а здесь сохранилась без всякой модернизации – поэтому возникло ощущение, что попала в какой-то музей. Музейным выглядит и ряд сбитых деревянной планкой фанерных кресел. Такие прежде заполняли все кинотеатры, а здесь предлагались для ожидания редким посетителям. И все тот же невзрачный каменный пол цвета сырого цемента.

По спине пробегает непонятная дрожь, кажется, что меня, как сбежавшего из тюрьмы узника, снова водворили в заключение. Какие удивительные метаморфозы претерпело сознание! Возникло сравнение с тюрьмой, хотя за оградой мне вместе с моими товарищами жилось вполне комфортно и даже весело – угнетала только невозможность свободного выхода за проходную в течение дня. На целый день «почтовый ящик» становился нашим домом! Сейчас машина времени вновь перенесет меня туда, вот только разогреется мотор!

За стеклянным ограждением у турникета восседает на высоком табурете молодая вахтерша с бледным лицом, застывшим наподобие маски – подобранные в узел волосы, форменная полицейская рубашка голубого цвета, черный галстучек. Серая мини-юбка заползла выше колен. В ее облике соединились агрессия и неприкрытая сексуальность, разрушая в моей памяти образ прежних толстых вахтерш в военизированных гимнастерках. Эта буравит меня недобрым взглядом, будто подозревает во мне шпионку-терро-

ристку, но ни о чем не спрашивает. Она, конечно, в курсе, что в этот час в проходной должны собираться бывшие сотрудники института, приглашенные на юбилейное мероприятие: акустическому Отделению исполняется полвека. Последние два десятилетия наши жизни протекали врозь, но ведь было время счастливого единения! Уже охватывает нетерпение, хочется поскорее увидеть старых товарищей, узнать, как сложились их судьбы. И конечно спросить у коллег, продолжающих работать в институте, в нашем ЦНИИ, чем сегодня дышит наука.

Я прискакала раньше всех, потому и слоняюсь одиноко в полумраке вестибюля. Зато ничто не мешает мыслям уплывать в прошлое, упреждая встречу с давними сослуживцами.

Больше всего радуюсь, что увижу Маринку: с ней мы начали работать здесь сразу после вуза. Такая была оторва! Рыжая грива волос – в то время редко кто позволял себе краситься в такой яркий цвет! А ее наряды! Маринка никогда не комплексовала по поводу своей далекой от идеальности фигуры. Помнится, носила короткое шерстяное платье, обтягивающее все выпуклости ее богатого тела. Звонко хохотала и бегала по длинным коридорам с изяществом отяжелевшей газели. И все мужики западали на нее, как на отравленную сладость. Однако я не видела прежнюю подругу лет десять, мы лишь изредка перезваниваемся, поздравляя друг друга с праздниками. В последнее время она все чаще жалуется на ноги, трудно, говорит, ходить. А ну как явится на встречу с

тостью — я таких перемен в ее облике не переживу.

Дверь со стороны улицы распахивается и — легка на помине — Маринка!?! Определенно, она! Объемы увеличились раза в три, но фасон держит! Черные лосины, обтягивающие полные ноги — даже туфли на каблучке — и просторная туника, а-ля Пугачева. Только рыжеватые пряди уже не раскиданы по плечам, а укороченные выются мелкими кудряшками над головой. Ее пухлое круглое лицо почти не затронуто морщинами — маленький бонус от излишней полноты. Маринка тоже узнает меня. Мой очевидный признак — почти брежневские брови, слегка прореженные в косметическом салоне. Да и цвет волос у меня прежний — темная вишня, женщины ведь свои седины не показывают. Так что можно меня вычислить, если постараться.

Маринка радостно приобнимает меня коротковатыми ручками, только живот ее мешает тесным объятиям. Открывает сумку, чтобы похвастаться фотографиями внуков, но на ходу забывает о своем намерении: вместо снимков достает попавшуюся под руку новую тушь для ресниц. Расхваливает фирму-изготовителя, вспоминает о скидке при какой-то рекламной акции, предлагает мне воспользоваться своей карточкой постоянного покупателя. Я рассеянно слушаю ее быструю речь, поглядывая на дверь: она открывается снова и снова, и в проходную один за другим входят новые гости. Среди них и совсем старики, и довольно еще молодого вида мужчины и женщины. Не все так колоритны и

узнаваемы, как Маринка, к иным приходится приглядываться, чтобы распознать знакомые лица, припорошенные годами.

– Стасов! – окликаю я нового гостя, представительного господина в кожаной куртке.

Он был любимцем женщин, думаю, что им и остался, хотя пышная каштановая шевелюра сменилась теперь на седеющий «ежик» волос. Но его выразительные глаза под навесом неприлично длинных ресниц почти те же. Слышала от общих знакомых, что Стасов теперь крутой бизнесмен, а деньги добавляют привлекательности любому мужчине, даже не слишком молодому. Меня обошло стороной повальное увлечение наших сотрудниц этим дон Жуаном, однако пообщаться с почти олигархом и мне лестно.

– Привет, Галь! – присмотревшись, отзывается он, широко улыбается, и вопросительно глядит на стоящую рядом со мной тучную подругу. Она сразу же игривым жестом поправляет кудряшки над ухом, будто ей по-прежнему двадцать пять, и ожидающе улыбается.

Но нет странного в том, что они смотрят друг на друга, как чужие – Стасов и Маринка никогда не встречались в этом ЦНИИ, они работали здесь в разное время. А я для них вроде связующей нити. С Маринкой мы вместе начинали, пришли по распределению после вуза почти в одно время, но она недолго продержалась в этих стенах, уволилась прежде, чем появился красавчик Стасов. Неотразимый дон Жуан пришел

на работу почти перед моим уходом из ЦНИИ – тогда он казался мне мальчишкой, а теперь вижу, что и с ним мы одного поколения. Наскоро представляю друг другу сотоварищей, собираясь отойти. Пообщаюсь со Стасовым позже, поскольку в присутствии Маринки никакой серьезный разговор невозможен. Она уже начала под него «подбивать клинья», абсолютно забыв, что ее золотое времечко прошло. На лицо Стасова наползает скука, прикрытая вежливым вниманием. Он тоже разглядывает вошедших и вдруг касается моего плеча, обращая внимание на очередного гостя.

В открывшуюся дверь вталкивается инвалидная коляска. В ней сидит, беспомощно озираясь, морщинистый и дряхлый старичок. Мы узнали его только тогда, когда он поприветствовал всех дрожащим старческим голосом, и с такими знакомыми пафосными интонациями: «Друзья, прекрасен наш союз! Да здравствует советская научная общественность!». Конечно же, это Фигаро, бывший для меня и Стасова непосредственным шефом. Как слаженно наш сектор, в то время почти целиком состоящий из молодежи, дружил против Фигаро, балансирующего уже тогда на пороге пенсионного возраста. Он очень опасался быть отправленным на пенсию и, лебезил перед начальством вышестоящим, жертвуя интересами подчиненных. Мы были игрушками в его властных руках. Отчасти самодур, отчасти тиран и непревзойденный артист, всегда играющий роль, выгодную в текущий момент. В нынешнее время из него вышел бы отлич-

ный политик!

Но сейчас перед нами был больной, слабый человек – скорее бесплотная оболочка с дышащей на ладан душой. Полагаю, что ему подкатило уже к девяноста годам. За минувшие годы обиды и огорчения, связанные с самодурством начальника забылись, растворились в текущей жизни, и совершенно неожиданно возникло острое чувство жалости к этому беспомощному и слабому человеку. Сейчас он целиком и полностью зависел от крепкого молодого помощника, придерживающего ручки его инвалидной коляски.

Стрелки часов на стене вестибюля вздрогнули, обозначив назначенный нам час, и вахтерша пригласила гостей мероприятия проследовать через турникет. Проходили по одному, предъявляя ей паспорт, она отмечала фамилии в лежащем перед ней списке, ставя рядом с ними крестики.

Миновав проходную, мы оказались на внутренней территории института. Минут десять тянулись вереницей по главной «улице» среди отдельно стоящих исследовательских и производственных корпусов. И наконец вошли в трехэтажное кирпичное здание нашего Отделения. Поднялись по крутой лестнице на третий этаж. Рядом с конференц-залом нас уже поджидала «старая гвардия» – те сотрудники, которые работали вместе с нами и продолжают трудиться здесь и поныне. Снова возгласы узнавания и короткий обмен новостями. На этой площадке разговор крутился вокруг сегодняшних реалий. Работники привычно жаловались на маленькую

зарплату, на отсутствие заказов, на самодурство их новых, мне незнакомых, начальников.

Часть услышанного удивила меня. Узнала, что лаборантка, когда-то с трудом дотянувшая до диплома в вечернем институте, теперь стала помощником директора. Посредственный инженер – звезд с неба не хватал – дослужился до заведования сектором: сказывался дефицит новых кадров. А талантливая девушка-исследователь так и не защитила диссертацию, хотя открыла интересное явление: не смогла, говорят, поладить с руководителем. В жизни, как в шахматах: кто-то делает ход конем, пешка пробивается в ферзи, а королева вдруг вылетает с поля.

Слушая про тех и других, я будто читала книгу задом наперед, с последних страниц медленно продвигалась к ее началу.

* * *

Последнюю треть прошлого века принято считать эпохой расцвета советской науки. Открытый корпоративный журнал «Флагман корабельной науки», врученный каждому гостю на юбилейной встрече, с пафосом утверждает: «Период 1970–1980 гг. был наполнен интенсивной научно-исследовательской и практической работой сотрудников института в области акустической защиты кораблей».

Отдавая должное учреждению, замечу, что организация

удержалась на плаву и в трудное перестроечное время, когда с карты адресов госучреждений было стерто много исследовательских и проектных институтов. Институт им. Акад. Крылова являлся, по сути, прообразом инновационного центра в Сколково, концепция которого обсуждалась еще при президенте Медведеве.

Институт мог бы стать современным технопарком, но для этого надо радикально изменить организацию труда. Пока упор делается не на результат, а на проведенное работниками в стенах учреждения время, полное раскрытие их творческого потенциала невозможно. Сохраняется прежняя атмосфера, когда дни авралов чередуются с месяцами исследований по принципу: «ни шатко, ни валко», и она разлагает. Работавшие и сегодня в ЦНИИ люди, по их словам, занимают себя в рабочее время чем могут, и не всегда – делом.

Я не готова анализировать причины бедственного положения науки в целом. Оставляю в стороне вопросы финансирования исследований. Говорят, что сейчас оно не в пример меньше, чем в советское время. Но ведь и тогда, когда деньги рекой текли в военно-промышленный комплекс, не все ладно было в «датском королевстве». Личная расхлябанность сотрудников и разбазаривание научного ресурса со стороны планирующих органов, неизбывная показуха, все это, словно песок, засоряло шестеренки производственного механизма.

Я расскажу о повинностях и провинностях, общественных нагрузках, о служебных романах и флирте, о поощрениях и

наказаниях, о чтении художественных журналов в рабочее время, о вязании, лежащим у некоторых в ящике рабочего стола, о карточных и компьютерных играх – последние появились в ЦНИИ вместе с техническим прогрессом. То была обычная жизнь ученых в «почтовом ящике» за оградой. И научные идеи, открытия, уникальные методики прорастали как злаки сквозь поле, заросшее сорняками, пробивались как полезный радиосигнал среди трескотни «белого шума».

Обращаю внимание читателей на определенные вольности в мемуарах. Записки составлялись автором по памяти, а память, как известно, коварный инструмент. И дабы не породить мифов о невинных «Сальери», я дала прототипам вымышленные имена. Кроме того, персонажи представлены преимущественно собирательными образами, что позволило мне вольно рисовать их портреты, придав им типические черты.

И хотя персонажи изображены под масками, описываемые в повести события происходили в действительности. Также полностью отвечают документальной основе вехи биографии автора, как по времени, так и по фактам, упомянутым в повествовании.

Глава 1. Первые впечатления 1970–1975 годы

Знакомство с институтом

Завтра нам, четверым выпускникам Корабелки¹ предстоит явиться к восьми часам в проходную ЦНИИ. Я единственная девушка среди четверки, распределенной² в это научное учреждение, остальные – парни. Нам уже гарантированы должности инженеров, но до защиты диплома еще полгода. За это время предстоит освоиться в стенах лаборатории: пройти преддипломную практику, выбрать тему для выпускного проекта, чтобы в конце зимы защитить его.

А пока мы сидим в маленькой студенческой аудитории – узкие запыленные окна, обшарпанные черные столы – и слушаем наставления нашего профессора, несравненного Теоретика (назову здесь его так) и куратора нашей практики. Он читал нам в последнем семестре лекции по профильной дисциплине, по вибрациям конструкций, читал великолепно, заражая и заряжая интересом к профессии. Но основное

¹ Ленинградский кораблестроительный институт, ныне – Морской университет.

² Распределение – форма обязательного трудоустройства выпускников. Срок отработки составлял три года.

место его работы – та лаборатория, куда нам вскоре предстоит влиться. Теоретик – остроумный и умеющий общаться с молодежью, мог беззлобно высмеять нерадивого студента и подшутить над собой, если вдруг сбивался с мысли. Ведь формулы, написанные им на доске, не были домашней заготовкой, он часто прямо в аудитории, в реальном времени, выводил новые закономерности.

А, если сбивался, то стирал написанное на доске тряпкой, а нам небрежно бросал: «Это зачеркните в тетради». Аккуратные отличники охали, а он начинал развивать мысль заново.

Он побывал на всех морях, от восточных до западных окраин страны, посетил множество научных конференций и даже один форум в Японии. В то время поездки за границу казались несбыточной мечтой. И мы знали, что наша засекреченная стезя закрывает нам выезд даже в страны соцлагеря. Разве что, вдруг, кто из нас вознесется на научный Олимп, как сумел это сделать сидящий напротив, за учительским столом, моложавый профессор.

Сейчас Теоретик, улыбаясь, объяснял, как нам найти проходную.

– Вывески там не надейтесь увидеть. Едете до трамвайного кольца. Как с трамвая сойдете, сразу ощутите запах скотобойни – там мясокомбинат рядом. Перейдете шоссе и сразу окажетесь у глухого забора, желтоватого цвета, сверху колючая проволока протянута. Перейдете трамвайную линию и

сразу попадете в проходную. Дверей в ней много, но открывается только одна – в нее и входите!

Вечером готовлюсь к ответственному дню. Грею на газе воду, приношу тазик с водой в комнату, мою голову – ванны в нашей коммуналке нет, как и горячей воды. Наглаживаю своими руками сшитую мини-юбку. «Мини» – это первые вольности в строгой моде того времени, и требуется смелость одеваться в них.

Муж помогает мне собираться, начищает гуталином мои туфли. Он начал работать годом раньше в этом же ЦНИИ, тоже еще молодой специалист, хотя уже вполне освоился. Жаль, что мы будем трудиться в разных подразделениях. Тут же мельтешат и мешают своими советами старшие: мама и дед. Мы еще все вместе – три поколения – теснимся в двух смежных комнатках, но планируем вступить в жилищный кооператив. Уже отложили первые деньги, заработанные годом ранее на студенческой стройке.

Ложусь пораньше: завтра рано вставать, ведь добираться от нашего уютного квартала, расположенного в историческом центре, до ЦНИИ почти два часа. Вначале – минут двадцать пешком вдоль канала Грибоедова до старинной Сенной площади. Ее название сохраняется только в устном фольклоре, официально как площадь, так и недавно открытая станция метро – на месте снесенного в 60-е храма – называется «площадь Мира». Метро домчит меня до южной

окраины города, а там еще несколько остановок на трамвае. Но в юном возрасте расстояния не помеха!

На следующее утро в назначенный час встречаюсь с однокурсниками в проходной. Все четверо, выписав временные пропуска в служебном окошке, предъявляем их вместе с паспортом толстой вахтерше. Она бдит за барьером у турникета, отстраненно-значительная, на синей полотняной куртке сверкают медные пуговицы с тисненными на них пятиконечными звездами. Главное начальство в институте!

За турникетом еще одни двери, за ними необъятная территория. Я уже проходила практики на оборонных предприятиях, и потому масштабность внутренних улиц и проездов не удивляет. Зато обращает на себя внимание вытянутое приземистое здание с окошками-щелями под крышей. Один торец его у проходной, другой простирается до горизонта. Вскоре я узнаю, что это крупнейший в Европе опытовый бассейн для испытания морских моделей – около полутора километров. Но я приписана к другому подразделению, и этот бассейн так и останется для меня лишь географическим объектом с надписью «вход запрещен». И это главное правило содержания всех испытательных объектов в институте – двери стендов и лабораторий всегда на запоре. Даже парашютист, спрыгнй он с неба на территорию, не проникнет в засекреченные уголки.

Рядом вход в помпезное административное здание, перед ним стоит на постаменте, обрамленном зеленым газончи-

ком, бюст основателю института – нашему «дедушке» Крылову. Сразу вспоминается Летний Сад. Только тамошний Крылов, дед Иван Андреевич, сочинял басни, а наш, Алексей Николаевич, академик, прославился открытиями в судостроении.

И снова прохладный безлюдный вестибюль: высокие окна, в центре мраморная лестница с широкими перилами, на стене макеты государственных наград, присвоенных учреждению. В этом здании прежде всего разыскиваем спецотдел. В приемной наши глаза упираются в типовой плакат: «болтун – находка для шпиона». Указательный палец приложен к губам обезличенного мужского лица – ныне такие картинки ради прикола вывешивают в модных кафе, оформленных в стиле советского кича.

Следует утомительное заполнение четырехстраничной анкеты (есть ли/нет родственники за границей, были/нет репатриированы и т. п. и т. д.). Потом мужчина с приятным лицом и иссиня-голубыми глазами – в этом отделе у всех сотрудников лица располагающие – беседует с каждым по отдельности. Ко мне возникают вопросы: родители в разводе, и я не указала место жительства отца. А надо! Обязуюсь принести необходимые сведения на следующий день. К счастью, других изъянов нет, и пятый пункт в порядке – проблемой могла бы стать нерусская национальность. Напоследок подписываю бумагу, что обязуюсь не разглашать увиденное и услышанное.

Наконец, покидаем Административное здание и, немного поблуждав между маленькими рощницами и разнотильными строениями, разыскиваем нужный нам корпус.

В кабинет начальника лаборатории опять вваливаемся всей четверкой. Хозяин кабинета, человек в годах, чуть сгорбленный, с блестящей лысиной на темени встречает нас не слишком приветливо. Теперь, вспоминая его, я поражаюсь его сходству с печально-знаменитым генсеком КПСС Андроповым. Генсек прославился запретительными мерами и облавами на всех прогульщиков страны, и «наш» походил на партийца не только жесткими повадками, но и внешне-стью.

В ту пору еще не было в ходу понятия о политкорректности, о гендерном равенстве, потому «Андропов» прямо в глаза мне заявил: «Хорошо, что только одну девушку прислали». Как потом узнала, за глаза начальники выражались еще откровеннее, делили молодых специалистов на «брюки» и «юбки» – скрепя зубы смирясь, когда им присылали «юбки».

От обиды прищуриваю глаза, сжимаю зубы, хотя понимаю позицию администратора: женщины уходят в декретные отпуска, их не пошлешь на ходовые испытания в море, не заставишь таскать тяжелое оборудование – в общем, есть с нашей сестрой морока.

В определенной степени его опасения оправдались. Я два-

жды брала декретный отпуск, и в промежутке между декретами два года училась в Университете, повышая свою математическую квалификацию.

И все же неприветливый начальник оказался отомщен за небрежение, выказанное мне в день первого появления в его кабинете. Парни-однокурсники, все трое, вскоре сбежали из ЦНИИ, ведь платили научным сотрудникам без степени очень мало. Причем, все исхитрились улизнуть прежде окончания обязательной трехлетней отработки. Один инженер завербовался в милицию, в оперативники, другой специалист переметнулся в обком комсомола, третьего парня знакомые устроили звукооператором на телестудию. Этот последний впоследствии рассказывал, что там платят еще меньше, зато режим не в пример свободнее, и можно подрабатывать на стороне.

Забегая вперед, скажу, что после нескольких «технологических» перерывов, я-таки стала приличным специалистом. В образовательном багаже имелось два диплома: инженера-акустика и математика, и опыт работы пришел своим чередом.

Но в том первый день все представлялось немного пугающим и непонятным. После беседы с «Андроповым» каждый из нас был отправлен к своему наставнику, для прохождения практики и написания дипломного проекта.

У меня подрагивали коленки и сердце выскакивало из

груди, когда я остановилась на мгновение перед безукоризненно белой дверью, куда мне следовало войти уже одной. Борясь с вдруг напавшей робостью, я с преувеличенной решимостью распахнула дверь и перешагнула порог очередного кабинета.

Здесь сидели двое сотрудников. За столом у окна младший начальник, внешне смахивающий на эстрадного сатирика Жванецкого – плотный и приземистый, и напротив его, за соседним столом, парень с несвежим отечным лицом, назначенный моим дипломным руководителем. Упитанный «Жванецкий» вежливо привстал, поздравил меня с началом трудовой деятельности, объявил, что на время преддипломной практики, с которой и начиналось наше знакомство с ЦНИИ, и до защиты диплома студенты зачисляются на оплачиваемые должности лаборантов. В системе подготовки научных кадров все было продумано до мелочей, схема идеальная. Сбои начинались позже, когда на схемы накладывался пресловутый человеческий фактор.

«Жванецкий» проговорил со мной несколько минут «за жизнь» и передал с рук на руки хмуро молчащему за своим столом одутловатому парню. Тот попытался увильнуть от навязанной ему обузы, от наставничества, ссылаясь на занятость, но не смог отбояться. Так моим непосредственным руководителем оказался старший научный сотрудник Вадим Симаков.

Вадим отвел меня в соседнюю комнату, посадил к изме-

рительному тракту – несколько соединенных кабелями ящиков-приборов – и велел снимать показания с зеленых экранов, записывать мерцающие циферки в тетрадь. Так началась моя производственная практика.

Преддипломная практика пролетела быстро и необременительно для меня.

Вадим оказался неплохим руководителем. Он познакомил меня с методиками, приборами, научными задачами. С другими сотрудниками я общалась мало, потому что практикантам разрешалось уходить в середине дня (на пропусках делалась особая отметка для проходной) – так что студенческая вольница продолжалась вплоть до защиты диплома. Однако защита прошла блестяще, а результаты проведенных мною под руководством Вадима исследований легли в основу статьи, написанной нами в соавторстве. Статья оперативно была опубликована в секретных «трудах» ЦНИИ, а в процессе подготовки к изданию к ней приклеилась еще одна фамилия – нашего старшего начальника «Андропова». Но этот факт меня не слишком озадачил, ведь окружающая меня жизнь содержала много условностей: и пафосные речи комсомольских работников, и сдача экзаменов по Истории КПСС – тезисы двадцати с лишним съездов (обычно списывались со шпаргалок). Расстраивало лишь то, что научный журнал имеет гриф «секретно», и его нельзя принести домой, показать мужу и друзьям – нельзя похвастаться публи-

кацией. Зато в лаборатории за месяцы преддипломной практики я заработала репутацию перспективного исследователя.

Инженерные будни и провинности

После положенного дипломникам месячного отпуска, я вышла на работу на полный день. В памяти сохранилось ощущение черного рубежа: вот и перевернута последняя страница юных лет – теперь, до скончания века, все мои дни будут протекать в жестком регламенте, за глухим забором. Во время практики я как-то не ощущала строгостей режимного распорядка: пришла, немного позанималась и полетела в библиотеку – хоть в Публичку, хоть в самом ЦНИИ, тоже научная библиотека на уровне. А то и вовсе умчалась домой, супругу ужин готовить. Но теперь все, финита: придется сидеть от звонка до звонка.

Доложилась о возвращении начальнику сектора «Жванецкому». Я уже успела привыкнуть к шефу: приветлив, деловит, не зверствует, как «Андропов». Я бы даже хотела уважать его, да слишком пренебрежительно отзывался о нем Вадим. И звезд с неба, дескать, не хватает, и стелется подобострастно перед вышестоящими. Самой мне пока трудно было разобраться в начальственной дипломатии, я лишь замечала, как неровный румянец пятнами растекался по щекам «Жванецкого» при малейшем его волнении, при разговоре

с грозным «Андроповым». К подчиненным, даже таким молодым, как я, шеф обращался тоже на «вы», как бы сразу устанавливая дистанцию.

Шеф, оторвавшись от бумаг, привычно вежливо приветствовал меня, заметил, что мой наставник Вадим Симаков сейчас в командировке, но что начальник сам даст мне задание, но чуть позже. И тут же проводил меня в общую комнату, где я часто бывала в дни моей практики, и выделил мне в постоянное пользование рабочий стол.

Стол находился на юру, у самой двери, но выбора не было. Присела на стул с железными ножками с обитым дерматином сидением. Дверь в шаге за спиной, все мимо ходят, место неудобное. Я уже знала, что предыдущая владелица стола перед моим появлением ушла в декретный отпуск. Стресс первого дня работы, ощущение запертых за тобою ворот, было для меня так горестно, что внутренне я понадеялась со временем последовать ее примеру, хотя оснований для таких надежд пока не имелось.

В комнате стояли еще шесть столов, но людей почти не было. Камеральные помещения – обычные комнаты, где сотрудники анализировали результаты измерений, выводили формулы процессов, а также просто общались – опустевали через полчаса после начала рабочего дня. Проскочив проходную тютелька-в-тютельку, сотрудники бросали на свои столы сумочки, зонты или газеты – обозначали присутствие – и растекались по этажам здания. Поначалу, не торопясь

приходили в себя после езды в общественном транспорте: мужчины, с небольшим вкраплением дам в своем кружке, курили на лестничной площадке, женщины прихорашивались в туалете или заходили «в гости» к подругам, работающих в других секторах и лабораториях, чтобы обменяться новостями и похвастаться обновками.

И лишь часам к десяти постепенно входили в рабочее русло, и комната затихала. А часть народа удалялась проводить эксперименты в другие помещения. Настраивали аппаратуру на измерительных стендах, испытывали модели в малых бассейнах лаборатории. А те работники, что оформляли документы, сновали по кабинетам, охотясь за подписями начальников, относили пачки исписанных от руки листов в машбюро или в секретный отдел. Эти же «бумажные» специалисты, занимались перепиской со сторонними организациями, подготавливали сводные отчеты по теме. И непременно группа специалистов всегда отсутствовала по самой уважительной причине – они участвовали в заводских сдачах или во флотских испытаниях на всех морях бывшего Союза.

А временное и незаконное отсутствие на рабочем месте без затей маскировалось сумочками, зонтами, шальями и пиджаками на спинках стульев. Эти предметы не только заменяли опоздавшего хозяина, но делали незаметным и растянутый вдвое обеденный «час», и поход в гости к бывшим сокурсникам, работающим на дальнем конце огромной территории научного городка, и преждевременный уход домой.

Хотя последнее случалось редко, так как охрана в проходной придерживалась жестких позиций, и подкупить или уговорить охранниц, чтобы выпустили пораньше, удавалось с трудом.

Предоставленная сама себе, я бессмысленно выдвигала и задвигала пустые ящики в тумбе стола, размышляя, чем бы их заполнить. В один положила принесенный технический справочник, в другой – чистый блокнот, авторучку, карандаш и запасную расческу, предварительно пройдясь ею по голове. У меня вьющиеся волосы, и, без частого приглаживания их я буду выглядеть лохматой – поэтому и принесла запасной гребень. Два ящика остались незанятыми. Покончив с обустройством, устремила задумчивый взгляд, скользящий мимо пустых столов передо мной, в окно. Синее апрельское небо до щемящей боли в груди манило на свободу, а видимая из окна часть вытянутого здания опытового бассейна казалась мне сейчас железнодорожным составом, застывшем на запасном пути.

На мой отсутствующий взгляд обратил внимание другой человек. Он сидел в стороне, обособленно, будто у начальник – хотя начальником не являлся. Это был ведущий инженер Николаев: сухонький, казавшийся мне стариком, участник Отечественной войны. Я еще на практике заметила, что он вечно придирается к сотрудникам с какими-то пустыми замечаниями и старалась не попадаться ему на глаза лишний

раз. Но теперь мы обитатели одной комнаты, придется налаживать отношения. Он усёк, что я сижу без дела, и приказал командным тоном:

– Галя, бери свой стул и тащи к моему столу! Поможешь отчет сверить!

Его узко посаженные, зеленоватые глазки нацелились на меня, и спрятаться от них некуда.

Хотя Николаев занимает должность ведущего инженера, но я так и не разобралась, кого и куда он ведет. Я прозвала его про себя «начальником чемодана». Каждое утро приносит он из спецхранилища обшарпанный чемоданчик из черного кожзама, с железными уголками, срывает нить с пластилиновой пломбы, откидывает крышку чемодана и с важным видом осматривает свои сокровища – секретные бумаги. Все сотрудники сдают ему свои секретные блокноты, если приходится делать запись под грифом. Но с блокнотами тут сплошная комедия! Вадик меня уже просветил: пишешь ради удобства на первой попавшейся бумажке, ее и домой, под одеждой можно унести, если захочется вечером поработать. Вадик большой разгильдяй, над режимными правилами только подсмеивается, но – голова! Потому – то бездельничает целыми днями, то дома, ночами, над расчетами корпит. Недаром он кандидатскую прежде всех своих сокурсников защитил. Так вот, говорил он мне, чиркаешь на чем попало, а конечный результат можно и в спецблокнот набедро переписать, чтобы спецотдел не привязывался. Но то Ва-

дик! Старина Николаев иначе к вопросам секретности подходит. Он будто священнодействует, когда вечером, поплевав на личную печатку, прилепывает ее к размягченному пластилину. Контрольная нитка стережет сохранность записка. А днем, в промежутке между вскрытием и запечатыванием пломбы, он шуршит листами белесой кальки, извлеченными из чемодана.

Кальки, «синьки»³ – ох этот ужасный канцелярит – становились страницами будущих отчетов. Их сверяли с рукописным текстом в блокноте (с пронумерованными листами, прошитом нитками и закрепленными сургучной печатью). Николаев считал эту сверку архиважным делом, и всегда привлекал девушек-помощниц, к мужчинам не обращался.

Увидев, что я не тороплюсь тащить стул, ведущий повторил просьбу-приказ. Я медлю, мое самолюбие задето. Я ведь теперь не лаборантка-практикантка, мог бы для такой работы и девушку-техника привлечь. Я же с сегодняшнего дня – инженер. Но в комнате, кроме нас двоих, никого нет, придется мне идти к нему на вычитку, раз я ничем не занята. На мое счастье дверь приоткрывается, и я вижу круглое лицо нашего «Жванецкого».

Он просит зайти в его кабинет для продолжения разговора. Я тотчас отлипаю от своего стула, и, не дожидаясь позволения Николаева, бегу в кабинет шефа.

³ «Синьки» – предшественники ксероксных копий, представляли бледно-лиловые листы бумаги, запорошенные мелкими синими точечками.

Начальник озадачивает меня творческой работой: требуется рассчитать интенсивность звука в каюте корабля – другое дело! Тема знакомая, проходили ее еще на четвертом курсе, надо только выполнить расчет с заданными параметрами. Мне все ясно, я и спешу на рабочее место: не терпится приступить к настоящей работе!

За время моего отсутствия общая комната снова наполнилась народом. И постоянные обитатели вернулись, и незнакомая сотрудница из соседнего сектора пожаловала, стоит посреди комнаты, рука в бок, говорит о путевке на базу отдыха. Я прислушалась: возмущается! Обижена, что при жеребьевке ей не досталось путевки. Наши сотрудники поддерживают ее возмущение – им тоже в разное время не досталось дефицитных вещей или услуг. Позже я убедилась, в институте на социальную сферу выделялось мало средств. Не хватало мест в детские лагеря и на базы отдыха, рядовые инженеры и младшие научные сотрудники с трудом выбивали поездки в санаторий или турпутевку по стране. Говорят, так было не везде. Мои знакомые, работающие на заводах, по их словам, подобных проблем не имели. Рабочий класс, а заодно и обслуживающих его инженеров снабжали чуть лучше.

В беспутный разговор о путевках врезался прокуренный голос Николаева, он монотонно читал проверяемый текст. Пока я ходила к шефу, «начальник чемодана» нашел себе помощницу, ну и слава богу. Она с карандашом в руке вылав-

ливала замеченные опечатки в чистовике. А я пыталась отгородиться от этой какофонии, сосредоточиться среди шумного базара над искомыми децибелами шума в расчете. Помог адреналиновый азарт: первое задание – как экзамен в институте, хочется блеснуть, произвести впечатление. Однако обнаружила, что нет при себе главного инструмента: логарифмической линейки – счетного устройства из трех совмещенных линеечек, бывшее в ходу до появления калькуляторов. Робко касаюсь рукой спины впереди сидящей женщины, молчаливой Татьяны, прошу линейку – она одалживает. Завтра непременно принесу из дома свои принадлежности.

Комната снова опустела. Кто-то, накинув плащи, заторопился в столовую. Еще один, достав из книжного шкафа запрещенный к пользованию электрочайник, отправился с ним в туалет за водой. Я и сама ощутила, как сосет «под ложечкой», но знаю, что до начала обеденного перерыва еще двадцать минут. Так что держусь. Но дверь за моей спиной распаивается, и в комнату влетает моя подруга Маринка – пышнотелая, рыжеволосая, с улыбкой до ушей – с ней я подружилась, проходя практику. Она почти абориген в лаборатории, пришла годом раньше, работает на испытательном стенде. У нас две неисчерпаемые темы для разговоров. Одна связана с «Андроповым». Мы единодушно осуждаем его и за выговоры, вынесенные кому-то, и за неправильное, на наш взгляд, распределение отпусков и за сухую манеру держаться. А другая тема – наш дружок Вадим Симаков: он по-

очередно был дипломным руководителем вначале у подружки, затем у меня.

Маринка, встав у моего стола, заверещала над моим ухом: – Галка, ты уже здесь! Я вспоминала, что ты должна выйти в эти дни на работу! Что же ко мне не заглянула? – И чуть тише добавила. – Идем быстрее в столовую, «Андропов» сегодня на совещании, проверок не ожидается!

Вижу краем глаза, как Николаев в своем углу сдвигает обшлаг пиджака и многозначительно стучит по циферблату часов. Но я, игнорируя его намек – дескать, рановато на обед собралась – живенько забегаю за шкаф, снимаю с крючка, прибитого к его задней стенке, свое пальто и следом за Маринкой – в коридор. Веду себя совсем по-школярски.

Выкатились на улицу. Столовая почти рядом, в двухэтажной бетонно-стеклянной «коробке», облицованной гранитной крошкой. Многие перебегают без верхней одежды, обгоняют нас. Скоро я поняла, куда они так спешили. Достаточно было заглянуть в обеденный зал: у нас самообслуживание, и очередь к раздаче серпантинном в три кольца вьется. Маринка сразу меня за рукав прочь потащила, заявила, что опоздали, надо было приходить часом раньше, к открытию, наплевав на наш график режима. Предложила пойти погулять по территории, и вернуться сюда уже к закрытию.

Погода отличная, в начале апреля, днем уже стойкий плюс на термометре, и солнце по-весеннему слепит глаза. Выша-

гиваем по чистому сухому асфальту. Здание общепита осталось за спиной, сворачиваем на дорожки, мощенные плитками. Семеним мелкими шажками, стараясь не западать каблуками в расщелины. Слева яблоневый сад – он пока еще в спячке – справа открытый бассейн с зеленоватой мутной водой. Бассейн не для купания, а тоже для испытания моделей, но сейчас испытателей не видно. Постояли у воды: полное ощущение, что гуляем в городском парке. Хочется, по-девичьи, взяться под ручки и идти, шепчась о наших секретах. Секреты водятся, как правило, у Маринки.

Она продолжает работать в группе Вадика и намекает, мне, что учит он ее не только законам физики. Но облом состоит в том, что у него имеются жена и пятилетний сын. А сама Маринка, напротив, не замужем.

Однако по территории «под ручку» ходить не принято. Все делают вид, что перемещаются из корпуса в корпус лишь по делам службы.

Но иногда гуляющие забывают о маскировке. Навстречу движется романтическая пара – он и она. Старые: обоим к пятидесяти! Плечом к плечу, ладонь в ладони! Их лица освещены улыбками. Эти двое мне незнакомы, наверно, из чужого подразделения. Заметив нас, они, как школьники застигнутые за проказами, быстро размыкают руки.

Чуть посторонясь на узкой дорожке, пропускаем встречных «романтиков». Выждав, когда их шаги стихли у нас за спиной, Марина авторитетно поясняет, что нам, если хо-

тим укрыться от вьедливых глаз сослуживцев, лучше гулять по другую сторону опытового бассейна. Ведь, чтобы обойти кругом вытянутое на два километра здание, полдня потребуется; и без особой надобности свои в такую даль не забираются. С той половины влюбленные парочки приходят к нам, а наши забредают к ним. Есть и гуляющие одиночки, но их меньше.

Но, когда идешь по делу на другую половину территории, просвещает Марина, дорогу можно и сократить. Она показывает на пешеходный мостик над крышей здания опытового бассейна – такие обычно на узловых станциях над рельсами возводят.

Возвращаться не торопимся, гуляем дальше. Немного посплетничали о незнакомой мне паре. Выяснилось, что Маринка знает фамилию мужчины: оказалось, руководитель другого подразделения. Поражаюсь ее осведомленности. От обсуждения посторонних людей разговор плавно перетекает к нашим баранам.

Маринка опять заводит речь о нашем наставнике Вадиме. Вначале поет ему дифирамбы: кандидат наук, «ума палата», эрудит, какого поискать! Я тоже вставляю словечко – он и меня успел поразить знанием редкостных поэтов и художников. Как-то нашел случай блеснуть. И как он щелкает четырехэтажные интегралы, тоже была свидетелем. Но вечная снисходительная ухмылка на его лице меня не впечатляет. Тем более, что лицо бледное, отечное, кожа несвежая.

Пристрастие Вадика к алкоголю уже и мною замечено. Может, поэтому выглядит он старше своих тридцати двух лет. И совсем не красавец, роста среднего, полноват. Однако же любит щегольнуть одеждой: костюм из дорогой ткани, сшит в ателье на заказ. В общем, личность неординарная, а как мужчина – смотря, на чей вкус!

С Маринкой все ясно: она вся пылает чувствами к этому физику-лирику. Рассказывает, что недавно вместе с ним проводила измерения на стенде, кроме них двоих – никого. Оба выпили по рюмашке спирта и началось.... Перебиваю ее: удивляюсь, откуда спирт. Смеется над моей наивностью. Оказывается, сотрудникам перед командировкой на корабли, на флот, выдают канистры спирта для технических целей. Но мужики зря продукт не переводят, а внутрь употребляют. Спирт, как напиток, и название имеет – «шило». И начинают «причащаться» еще перед поездкой, на рабочем месте, а в командировке и вовсе всякие границы теряют. Вспоминаю, что несчастный Вадим, объясняя мне преобразования интегралов, часто отворачивался, дышал в сторону. И не только он. Другие парни тоже порой какие-то странные по коридорам ходят.

Марина углубляется в недавние переживания. Рассказывает, как он в любовных признаниях перед ней рассыпался, как стихи читал. Пытаюсь представить милые подробности чужого флирта в декорациях измерительного стенда: стеллажи с приборами; гул вибрирующей модели, похожей на круп-

ную рыбину; всплески зеленоватых синусоид на экране осциллографа. И двое – уже не рука в руке, а лицом к лицу.

Подруга однако спохватывается, притормозила откровенничать. Заявляет, что с женатым не собирается связываться, но я вижу по ее заблестевшим глазкам, что ей трудно будет справиться с собой. Вадим ей очень нравится! Поколебавшись, задаю вопрос на грани фола: было? Она уходит от прямого ответа, резко меняет тему. Вспоминает вдруг, как хорошо Симаков отзывался о моей дипломной работе, предрекал мне хорошую карьеру в ЦНИИ. Но в этот теплый весенний день о карьере совсем не думается, тем более о возвращении на рабочее место. Снова болтаем о разном, обсуждаем недавний концерт непревзойденного артиста-сатирика Аркадия Райкина, где обе побывали, купив билеты у культорга лаборатории. Я ходила с мужем, а она с каким-то соседом: может, и в самом деле с Вадиком у нее – это так. Продолжаем обсуждать концерт, вспоминаем репризы, расходившиеся по народу цитатами: «в греческом зале, в греческом зале...».

Законные сорок пять минут нашего отдыха давно истекли, мы не торопимся, но все же поворачиваем назад. Возвращаемся в наш ареал – мимо яблоневого сада, мимо бассейна – заходим в опустевшую столовую. Очереди к раздаче уже нет, но и в меню почти все блюда вычеркнуты. Берем, что осталось. А оставались к этому времени обычно мочалистые, дурно пахнущие котлеты, приготовленные из несве-

жего фарша. Хотя посетителей мало, отыскать чистый стол трудновато: на зеленых пластмассовых столешницах рассыпаны хлебные крошки и косточки от рыбы или курицы, краснеют свекольные лужицы от пролитого борща. Поскольку самообслуживание, то посуду сотрудники относят к окошку мойки сами, но вытирать столешницы некому. С трудом находим почти чистый столик: только рассыпаны хлебные крошки – сметаю их носовым платком. На трапезу уходит десять минут: худосочные котлеты запиваем компотом из сухофруктов. Компот – неизменный и фактически единственный десерт всего общепита, всех заведений общественного питания.

У входа в корпус Отделения, нос к носу, сталкиваемся с «Андроповым». Он, шел со стороны административного здания и, безусловно, видел, как мы выходили из столовой – стометровая дорожка от двери до двери просматривается насквозь, тем более, что кроме нас на улице никого: все сотрудники давно сидят на рабочих местах. Прямой, как столб, «Андропов» возвышается над нами, и требует ответа, почему мы так припозднились. Маринка что-то лепечет, я молчу. Он предлагает нам обоим написать объяснительную записку и сдать ее секретарю.

Уныло опустив голову, возвращаюсь на рабочее место. С момента моего ухода на обед прошло полтора часа, в два раза больше положенного времени. Зато теперь усиленно тру-

жусь над заданием, продвинулась еще чуть-чуть, но дальше – опять застопорилось. На память формулу не знаю, а нужной книги под рукой нет. Решаю посмотреть этот раздел вечером, дома. А тут и звонок в коридоре включился! Так и хочется сказать – звонок с урока! Хотя трудно назвать звонком эту вопящую над площадкой второго этажа сирену: ее звуки пробивают перекрытия и стены, достигая отдаленные уголки акустического Отделения. После звонка всем следует покинуть рабочие помещения в ближайшие полчаса (для сверхурочной работы в здании требуется письменное разрешение).

Домой с двумя пересадками добираюсь только к восьми вечера, по дороге еще захожу в магазин. В конце рабочего дня прилавки почти пусты, но хлеб-булку да плавленые сырки к завтраку покупаю. Муж Толик сейчас находится в командировке. Толик тоже работает в нашем ЦНИИ, но по смежной специальности, в другом подразделении. И начало работы у нас не совпадает, и обеденный перерыв разнесен, да и в столовые придется ходить в разные – в институте их три или четыре. Во время практики я разок в его столовую добиралась, далековато. Еще слышала от Маринки, что имеется привилегированная кают-компания, для начальства. Видимо, из нее наш «Андропов» и возвращался, когда засек нас.

Раз Толик сейчас далеко в море, участвует в ходовых испытаниях на флоте, то покупать хлеб придется мне – обычно эта обязанность закреплена за ним. Хлеб покупаю на всю

нашу составную семью. Живем мы, уже говорила, вместе с моими мамой и дедом – ее отцом. Мама врачом работает, а дед пенсионер, ветеран Завода Штурманских приборов – под его влиянием я и в Корабелку поступила; дед участвовал в моем воспитании и заменил мне оставившего семью отца.

А совсем недавно с нами была еще и бабуля. Ей я обязана всем, кроме инженерной профессии: всем домашним навыкам и всем творческим взлетам. Бабушка всегда говорила, что у меня все получится! Помнится, она умирала, уже не вставала с постели, а я читала ей вслух свою первую публикацию в молодежной газете «Смена». Сейчас понимаю, что лучше б, чем мучить ее той статьей, сказала бы ей лишний раз, как люблю ее.

Мама с дедом уже поели, смотрят телевизор в своей комнате, а мне в своей еще и прибраться надо. Утром-то, как гардероб перебирала, решая, какое платье на работу надеть, все так и осталось на диване раскиданным. А комнатка восемь метров, ровно каюта, для которой я шум на работе рассчитывала – повернуться негде, если беспорядок. Наконец, убралась. Подогрела на сковороде остатки макарон, присыпала их тертым сыром. Вымыла посуду: и сковородка, и миска из-под сыра, и терка – все на меня. Тому, кто последним ужинает, всегда приходится гору посуды вымыть. А ведь надо еще и отнести все на общую кухню, и воды на газе согреть. Пока по нашему длиннущему коридору набегаешься:

туда-обратно-снова туда, сил даже у меня, молодой, не остается. Смотрю на часы, пора и ко сну отходить. И голова уже не варит, чтобы какие-то формулы смотреть. Закинула учебник в сумку, завтра на работе и разберусь. И еще логарифмическую линейку туда же бросила, и таблицы Брадиса, библию каждого математика той поры.

* * *

На следующее утро, как до рабочего места добралась, сразу за вычисления, только принесенные книжки-принадлежности в ящики стола разложила – обживаю его.

Расчеты завершила до обеда: Привыкла, по-студенчески быстро работать, курсовик спихнуть и забыть!

После обеда понесла начальнику сектора «Жванецкому» выполненное задание. Он вначале не понял, зачем я явилась:

– Что-то непонятно, Галя?

– Вот, закончила расчет. Посмотрите.

Он пробежал цепочки формул и цифр, машинально почесал затылок, испытывая недоумение от быстроты выполнения работы. Так и сказал:

– Не ожидал, что вы так быстро справитесь! Что ж, молодец. Но я прямо не знаю, чем вас сейчас загрузить. Вадим только на той неделе приедет... Ладно, займитесь чем-нибудь, поизучайте старые отчеты. Те, что без «грифа» – в шкафу найдете. А у Николаева попросите для ознакомления

и секретные материалы.

Я вернулась в общую комнату, поняв, что дала маху, выполнив задание слишком быстро. Открыла дверцу шкафа, где позади чайника стояли в одинаковом бело-голубом оформлении объемистые журналы несекретных трудов.

Выбрала один, наугад. Скучая, скользила глазами по лиловым буквам, едва заметным на блекло фиолетовом фоне – те самые пресловутые «синьки», над оформлением которых трудился наш Николаев. Веки слипались. Когда перед тобой нет конкретной задачи – изучать что-то про запас бессмысленно. Поборолась со сном с четверть часа, встала и отправилась «в гости» к Марине. Описала ей ситуацию, в какую попала, слишком быстро выполнив задание. Она улыбнулась, утешила, принялась наставлять уму. Говорила скороговоркой, своим звонким голосочком:

– Да, у нас никто никуда не торопится, разве что высокое начальство спешит отчитаться перед высочайшим. Или отдельные работоголики – те на работе свихнутые. Но мы же с тобой не такие?! Здесь про свои вузовские привычки забудь. В институте курсовик или экзамен сдал досрочно – хоть на Луну лети, никто тебя удерживать не станет. А здесь до звонка из-за ограды все равно не вырваться, и в проходной не выпустят, и начальство увольнительную не даст. Так что учись свою жизнь разнообразить: хочешь, вот, журнальчик у меня интересный есть?

Я взяла протянутую ею «Юность» – культовый журнал то-

го времени – и вернулась на свое рабочее место. Положив журнал поверх синюшного отчета, погрузилась в чтение молодёжной повести.

В конце дня Николаев, войдя в очередной раз в комнату, сообщил, что меня опять вызывает шеф. Я обрадовалась, что «Жванецкий» придумал для меня новое задание, и поспешила в его кабинет.

На сей раз румянец на щеках начальника показался мне более тусклым, да и все его лицо его как-то вытянулось и уже не выглядело добрым. Я поняла, что ничего хорошего для меня эти метаморфозы не предвещают. Приблизилась к его столу, он не предложил сесть на стул для посетителей. Говорил сухо:

– Мне стало известно, что вы читаете на рабочем месте художественную литературу.

– Журнал, – упавшим голосом поправила я.

– Вы должны понимать, что делать это нельзя.

– Но ведь у меня сейчас нет работы, вы сказали, что когда Вадим вернется...

– Вы инженер. Вы сами должны ставить себе задачи. И, если нет работы в данный момент, я уже говорил вам, повышайте свою квалификацию, читайте отчеты и технические книги.

Позже, встретив Марину в коридоре, спросила, кто бы мог настучать начальнику на меня.

– И ты еще сомневаешься?

– Николаев?

– Галь, ты, будь с ним осторожнее, книжки-журнальчики при нем не читай, и, вообще, держи язык за зубами.

– А что, неужели он... Известны факты?

– Фактов много, только доказательств нет! – Марина трянула рыжими прядями. Было непонятно, шутит или говорит всерьез. – Сама со временем разберешься, раз тебе «посчастливилось» с ним в одной комнате оказаться.

До конца дня я раздумывала об услышанном, глядя на одну и ту же страницу технического отчета. Значит, этот сухонький старичок – осведомитель? Хотя, чему тут удивляться: начальнику меня заложил, кто на обед раньше времени уходит – берет на заметку. А поначалу, когда я практику здесь проходила, казался таким доброжелательным. Заводил разговоры о тяготах жизни, делился военными воспоминаниями: застал пареньком конец войны, был авиационным техником. В общем, человек заслуженный! Только один момент в его биографии вызывает настороженность: является парторгом лаборатории, а, значит, фигурой неприкосновенной и еще значит много чего. Хотя негласная слежка за сотрудниками может быть просто его призванием, и никак не вытекать из общественной должности.

Хотя я допускала, что бывают и честные партийцы, особенно фронтовики, но полагала, что в послевоенном поколении большинство людей вступают в партию ради карьеры. В 70-е годы общество все больше пропитывалось настроением

ми безверия и нигилизма, а членство в партии срабатывало, как социальный лифт.

В то время в молодежную комсомольскую организацию были вовлечены едва ли не поголовно все школьники. Но дальнейший политический выбор уже происходил в индивидуальном порядке, требовалось определенным образом подстраиваться под систему, доказывать свою лояльность, а для инженерно-технических работников в нашем ЦНИИ существовал даже лимит на вступление в партию.

Трудно сказать, был ли Николаев «штатным стукачом» – допускаю, что он всего лишь ратовал за укрепление дисциплины. Единственное, что настораживало, была его весомая должность, притом, что выполнял он простую техническую работу. Так или иначе – все сторонились Николаева. К багажу взрослой жизни присоединился новый груз: подозрительность. И еще... Во время разговора с Мариной, я почувствовала тошноту, как от вчерашней котлеты. И впервые пронзила догадка: кажется, я беременна.

Повинности и уловки

Постепенно я освоилась в секторе, возглавляемым «Жванецким», не переставая удивляться людям, с которыми меня свела судьба. В студенчестве все были схожи, что ли, а здесь в людях заметнее проявлялись различия. И разброс возраста велик, и семейное положение встречается в трех-пяти вари-

антах, а не в двух, как у студентов, и набор ситуаций, требующих принятия решения, больше.

Так мне встретился незнакомый ранее типаж – хозяйственной женщины в интерьере работы. Люся была средних лет плохо одетой женщиной и располагалась в закутке смежной комнаты, где стояли стеллажи с аппаратурой. Мне часто приходилось по поручению Вадима проводить эксперименты на спектрометрах и магнитофонах, установленных в той комнате, и я невольно изучила «жилище» Люси.

Прежде всего удивил необъятных размеров двухтумбовый стол, со столешницей, обтянутой дерматином в дубовой раме. Таких старинных столов на всю лабораторию осталось не более десятка, в основном у начальников, хотя у тех в лучшем состоянии. А Люсин стол, обшарпанный и поцарапанный местами, наверно, выкинули из начальственного кабинета, и она его перехватила. Монументальный стол занимал заметную часть комнаты и возвышался островом прямоугольной формы. Сходство с островом усиливалось наличием множества тропических растений на нем: какие-то папоротники, кактусы, лианы. Лишь незначительная часть дерматиновой столешницы, где можно было уместить лишь одну тетрадку, оставалась свободной от цветов. Ящики обеих тумб тоже были забиты всяким домашним скарбом.

Утром Люся вынимала из тумбы туфли-лодочки на каблучке, чтобы сменить сапоги-чулки и или туфли на толстой платформе, модные в семидесятые годы. В этой же тумбе

у Люси хранились и босоножки – для летнего сезона, причем, обе пары обуви получили в рабочем столе постоянную прописку. Лежала там и свернутая теплая шаль для прохладных дней, и предметы интимного женского обихода. Люся не стеснялась меня, изредка перебирая свои сокровища, с тем, чтобы затолкать все поплотнее и добавить пространства для новых. Из других ящиков она доставала перед обедом маленькую кастрюльку, нагревала в ней кипятильником воду, чтобы заварить супы-концентраты. Все быстро съедала в первые пять минут обеденного перерыва и потом, достав из своего необъятного стола клубки с нитками шерсти, принималась за вязание. Нередко она прихватывала для вязания и рабочее время, чутко прислушиваясь, не слышны ли чьи шаги на подходе к нашей двери.

Люся работала техником, и в ее обязанности входила ручная обработка спектрограмм, прочерченных самописцами анализатора на длинных розовых лентах, подобием лент кардиограмм сердца. Она прикладывала деревянную линейку к острому пику на графике, отмечала его высоту и возвышение над колебательным фоном, и записывала считанную ею цифру в секретный журнал, прошитый веревочками. Так она порой и работала, чередуя действия: свяжет несколько сантиметров новой кофты или шарфа, отложит вязанье в ящик – снимет показания с ленточки спектрограммы. Она не спешила закончить задание, поскольку знала, что или тотчас получит от старшего инженера следующую порцию лент-спек-

тограмм. А не получит, так будет считаться, что бездельничает – тоже нехорошо.

Кроме вязания для себя и работы на «дядю», у Люси имела общественная нагрузка: сбор членских взносов в профсоюз. С нею она справлялась идеально: старательно обходила всех сотрудников, требуя уплатить положенные рубль-полтора (один процент от зарплаты). И в эти моменты тоже становилась немного начальством.

Тем временем, вернулся из командировки мой наставник Вадим Симаков, и, находясь в недолгом периоде трезвости, сформулировал мне новое задание, дал толчок новым поискам.

Получив свою тему, я теперь не торопилась провести исследование быстро, чтобы не скучать потом, читая запыленные отчеты. Я наслаждалась игрой с формулами и расчетами, залезая и за пределы поставленной задачи, просто из научного любопытства. Задание было связано с распознаванием объектов в военно-технической отрасли, но пособием мне служила книга для машинного распознавания почерка. И прежде чем найти решение в собственной теме, я углублялась в посторонние исследования, связанные с алгоритмизацией почерка. Это была избыточная работа, но я удовлетворяла свое не только научное любопытство. Я всегда находила удовольствие в «ненужном», даже в теоремах. Однажды я зарифмовала свои чувства относительно математики: «Когда житейских будней бури меня пытаются сломить, / то вы,

Лагранжи и Бернулли, – вы помогаете мне жить. / Ведь это ваши теоремы меня позвали за собой, / где голых символов гаремы в сплетенье с логикой живой» (копирайт мой).

Однако единственным реальным осложнением в ту весну стало уменьшение нашей жилплощади, связанное с оформлением лицевого счета на занимаемые мною с мужем квадратные метры – шаг, необходимый для дальнейшего решения жилищной проблемы. И, пока я писала дипломную работу, наши две семьи – мы и старшие – разъехались по разным адресам. Нам с Толиком досталась полутемная комнатуха на Обводном канале, в коммуналке, еще менее приспособленной для жизни, чем прежняя. Особенно удручало расположение нашего дома.

Переезд из района канала Грибоедова на Обводный канал – был для меня невыразимым бедствием. Берега последнего являли собой земляные откосы либо без всякого ограждения, либо прикрытые решетками из скучных вертикальных прутьев – и это после романтических вытянутых колец старинной чугунной ограды грибоедовского канала. А из труб фабрики резинового производства «Красный треугольник» – наш дом стоял напротив – сутками клубился черный дым, оседая гарью на окнах. На мутно-коричневую воду канала я старалась вовсе не смотреть: вода содержала, вероятно, всю таблицу Менделеева.

Зато с этого места я могла добраться до института за один час на одном трамвае. Но моя, часовая по расчету, поездка,

растягивалась иногда часа на два, потому что самочувствие осложнял сильный токсикоз беременности. Случалось, что я, зажав рот рукой, выскакивала из трамвая где-то в середине дороги и, склонившись над урной – они тогда еще стояли и на остановках и на улицах – извергала из себя лишнее. Дожидалась следующего трамвая своего маршрута и ехала дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.